

Это был второй визит Пак Минхи в спальню Цзинь Чжухэ. Став её маленькой прислужницей, ей, судя по всему, придется заглядывать сюда довольно часто.

Разумеется, если только Цзинь Чжухэ не будет против.

— Не забудь снять обувь, не пачкай пол, — особо предупредила Цзинь Чжухэ, а затем сама направилась к туалетному столику, чтобы снять украшения.

Пак Минхи послушно разулась. Сначала она думала просто забрать телефон и уйти, но поведению Цзинь Чжухэ было ясно, что та намерена задержать её.

Когда пятки оторвались от обуви, кожу пронзила невыносимая боль. Стиснув зубы, Пак Минхи полностью стянула туфли и посмотрела на свои щиколотки.

Волдыри полопались, сквозь них проступали капельки крови — судя по всему, когда она с усилием сдергивала обувь, кожа содралась вместе с прилипшими краями.

Было адски больно. Пак Минхи шумно выдохнула, пытаясь поставить стопу ровно на пол.

Из-за поврежденной кожи на задней части щиколотки каждый шаг отдавался такой резкой болью в мышцах, что её невозможно было игнорировать.

Так и хотелось просто взять и вырезать к чертям все болевые нервы на этом участке, думала Пак Минхи. Подняв голову, она заметила в зеркале взгляд Цзинь Чжухэ.

Судя по всему, пока Цзинь Чжухэ не разрешит ей уйти, сегодня вечером она не смеет сделать без разрешения ни шагу.

Цзинь Чжухэ отправилась в ванную смывать макияж, а Пак Минхи присела на диван. Крепко прижимая к груди телефон, она даже не смела им пользоваться и сидела в полном растерянном напряжении. Ей подумалось: разве обычно бывало настолько неловко?

Вернувшись из ванной со смытой косметикой, Цзинь Чжухэ ничуть не удивилась, увидев Пак Минхи с телефоном на диване.

На самом деле ей чрезвычайно нравилось, насколько послушной оказалась Пак Минхи. Мысль о том, что стоило ей не отдать приказ, как Пак Минхи покорно сидит здесь и ждет её, доставляла ей неожиданно приятные эмоции.

А когда на душе приятно, можно и побаловать Пак Минхи какой-нибудь подачкой — нужно же, чтобы та помнила, кто к ней добр, и не вздумала легкомысленно предать.

Кожа Цзинь Чжухэ после умывания выглядела невероятно нежной и свежей. Пак Минхи одновременно завидовала про себя и замирала от восхищения её красотой.

Да, пусть большую часть времени Цзинь Чжухэ и внушала страх, но её внешность действительно сводила Пак Минхи с ума.

Каждый раз, когда она доходила до точки кипения и была готова броситься на всех разом, её гнев утигал лишь при взгляде на улыбку Цзинь Чжухэ.

Хотя осадок всё еще оставался, она была готова сделать скидку на тяжесть прегрешений Цзинь Чжухэ.

Что же до этой уродливой и тупой Сун Минчжэнь, о ней она не забудет никогда. А еще были Ли Эньцзюнь, Цуй Цзайчэн и та компашка из класса во главе с Юн Хемин.

Все эти люди шли ни в какое сравнение с Цзинь Чжухэ. Так думала Пак Минхи, страдавшая неизлечимой любовью к красивым лицам.

Цзинь Чжухэ абсолютно не догадывалась, что способна привязать к своему лагерю Пак Минхи исключительно за счет собственной красоты, из-за чего в дальнейшем наделала немало контрпродуктивных вещей.

Тем не менее, это ничуть не мешало ей преподнести Пак Минхи крошечную награду сегодня вечером — одарить той самой скупой на похвалу заботой, на которую была способна она, Цзинь Чжухэ.

Подойдя к дивану, Цзинь Чжухэ склонила голову набок и окинула взглядом ноги Пак Минхи:

— Надо же, до чего ты их стерла. Ты вообще ходить можешь?

Пак Минхи с некоторой скованностью пошевелила ногой:

— Наверное, за ночь отдохнут и станет получше.

Цзинь Чжухэ кивнула и тут же направилась на поиски аптечки.

Пак Минхи понятия не имела, что именно та рыет в шкафах, но ходить сама была уже абсолютно не в силах, поэтому послушно сидела на диване и наблюдала за её поисками.

В конце концов отыскался небольшой белый ящичек с на редкость полным набором медикаментов — пожалуй, если бы понадобилось, там даже нашелся бы ингалятор от астмы.

Порывшись в аптечке, Цзинь Чжухэ легко обнаружила новую мазь от внешних повреждений, а также ватные палочки и пластыри.

— Я сама, — испугалась Пак Минхи, заметив намерение барышни повозиться с этим лично.

Цзинь Чжухэ отстранила её руку и принялась сама, тщательно и аккуратно, обрабатывать рану, после чего заклеила её пластырем.

Госпожа Цзинь, страдающая легкой формой перфекционизма, осталась чрезвычайно довольна результатами сегодняшнего дня: пластырь лег ровно, аккуратно заняв именно то место, где и должен был находиться.

Пак Минхи досмотрела весь процесс с покрасневшим лицом. Неловкость от того, что с ней возились как с калекой, рассеять было трудно, но куда сильнее было чувство смущения.

Барышня собственной персоной помогла ей обработать рану! И пусть оставались сомнения, не кроется ли тут какой-то подвох, дружба с этой госпожой была поистине прекрасна и восхитительна. Пак Минхи подумала: если таковы привилегии положения прислужницы (зачеркнуто) подруги, она готова следовать за этой госпожой повсюду и ловить каждое её слово. Если все поймут, насколько прекрасно дружить с Цзинь Чжухэ, что делать, если её начнут уводить? Разве она сможет остановить барышню?

Да как такое возможно, барышню попросту не остановить — точно так же, как барышню невозможно заставить не залипать по ночам в телефон.

Поскольку Цзинь Чжухэ наказала Пак Минхи ни в коем случае не мочить рану, той оставалось лишь смотреть во все глаза, как Цзинь Чжухэ отправляется в душ.

Как бы так поактивнее намекнуть, что она тоже вообще-то не прочь искупаться? Ведь тогда всю эту мазь, которую барышня наносила собственными руками, просто смое! В конце концов, водонепроницаемый пластырь не выдержит долгого барахтания в воде.

Выйдя из ванной свежей и отдохнувшей, Цзинь Чжухэ бросила взгляд на Пак Минхи, с которой та даже не соизволила снять украшения, и почему-то невольно усмехнулась.

Глядя на эту вытянувшуюся в струнку на диване спину, непосвященный мог бы подумать, что её вызвал в школу классный руководитель из-за родителей.

Чего ты смеешься? — Пак Минхи заметила, как Цзинь Чжухэ, едва выйдя, принялась заливисто хохотать, и машинально коснулась собственного лица.

Неужели шампанское до сих пор до конца не смылось?

Цзинь Чжухэ шаг за шагом приближалась, и по мере того, как она сокращала дистанцию, Пак Минхи всё сильнее нервничала. Когда же Цзинь Чжухэ остановилась прямо перед диваном, в нос Пак Минхи ударил густой аромат роз — тот самый запах её геля для душа.

Точь-в-точь такой же, каким сейчас пахло от самой Пак Минхи.

В такой ситуации, окажись в одной комнате мужчина и женщина, этот аромат стал бы идеальным катализатором страсти, и дальше последовал бы ночной романтический эпизод, который не пропустила бы никакая цензура.

Но к сожалению, сейчас здесь находились две особы, которые ещё утром терпеть друг друга не могли, а к вечеру превратились в барышню и её прислужницу. Насчет романтики Пак Минхи ничего сказать не могла, но в голове у неё уже образовалась сплошная каша.

Как же близко, как вкусно пахнет, как красиво... Пак Минхи казалось, будто Цзинь Чжухэ заключила её в объятия. Взгляд девушки упирался прямо в грудь Цзинь Чжухэ, и оттого, куда бы ни падало её зрение, её словно обжигало кипятком, так что Пак Минхи торопливо опустила ресницы.

Цзинь Чжухэ было совершенно всё равно, разглядывает ли Пак Минхи что-нибудь. Ей ещё никогда не доводилось снимать украшения с других людей, и если со своим собственным телом она управлялась легко и привычно, то теперь эти безделушки будто бы нарочно над ней издевались.

Особенно серьги: мало того, что Пак Минхи проколола уши криво и оставила ранки, так теперь ещё и запекшаяся кровь намертво зафиксировала застёжку, так что снять серьги оказалось абсолютно невозможно.

Нельзя же было просто взять и дернуть со всего маху! Тогда бы всё превратилось в кровавое мешово: не говоря уже о боли, выглядело бы это крайне отвратительно.

Сними серьги сама, — сдалась Цзинь Чжухэ, подошла к столику, взяла зеркало и протянула его Пак Минхи.

Пак Минхи и так уже чувствовала боль и сидела как на иголках, смертельно боясь, что Цзинь Чжухэ в порыве раздражения просто оторвет ей уши, так что предложение пришлось как нельзя кстати.

Взгляды обжигали — и взгляд Пак Минхи, и взгляд Цзинь Чжухэ.

Сама Цзинь Чжухэ не видела ничего особенного в том, чтобы пристально разглядывать людей: по её мнению, ей не за что было стыдиться ни единого своего поступка.

Однако Пак Минхи совершенно не привыкла к столь хищному, давящему взгляду Цзинь Чжухэ. Решив, что лучше покончить с этим сразу, чем терпеть долгие мучения, она поспешно сорвала серьги, заработав впридачу кровоточащие мочки.

Цзинь Чжухэ приподняла брови: в конце концов всё действительно залило кровью. Опустив зеркало, она протянула руку за аптечкой, но её запястье перехватила Пак Минхи.

Я сама справлюсь, — тихо произнесла Пак Минхи.

Цзинь Чжухэ в общем-то никогда не пылала страстью прислуживать окружающим, а потому с радостью согласилась. Она уселась на другой диван, устроилась поудобнее и принялась с интересом наблюдать, как Пак Минхи, неуклюже путаясь в собственных пальцах, обрабатывает перед зеркалом раны.

Какая же она глупышка, — одновременно наслаждаясь зрелищем и думая про себя, отметила Цзинь Чжухэ.

Закончив с обработкой, Пак Минхи подняла голову и тут же столкнулась взглядом с Цзинь Чжухэ.

Раз тебе нельзя мыться, то, судя по твоей ноге, ходить ты тоже толком не сможешь, — внезапно проявила великодушие Цзинь Чжухэ. — Оставайся-ка ночевать у меня. Избавишься от лишних глаз, да и отдохнешь нормально, а то ведь наверняка кто-нибудь заявится.

Пак Минхи окинула взглядом комнату в общежитии и подумала, что оставаясь здесь, она вовсе не гарантирует себе полноценный отдых.

Ну что, выбирай, какой диван тебе больше по душе, — с улыбкой произнесла Цзинь Чжухэ.

У Пак Минхи перед глазами потемнело: как ни крути, а звучало это донельзя шокирующе и неприемлемо.

Разве так можно? По крайней мере, приличные люди ведь так не поступают?

<http://bllate.org/book/20919/2116278>